

Лариса ЧУРИКОВА
НИКОГДА НЕ ГОВОРИ
МНЕ «НЕТ»

Книга 3

@ЭЛИТА

Лариса Чурикова

**Никогда не говори
мне «нет». Книга 3**

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Чурикова Л.

Никогда не говори мне «нет». Книга 3 / Л. Чурикова —
Электронное издательство "Аэлита", 2014

Кто не мечтал хотя бы однажды узнать, что о нём думает другой человек? Кто не хотел бы в определённой ситуации подчинить себе волю другого человека? Стас всегда знает, о чём думает его собеседник, он может повлиять на мысли, поступки и желания, ведь он – экстрасенс. Но даёт ли это ему счастье? Ведь он не может заставить любить. (Битва с экстрасенсом) Все сказки о любви заканчиваются одинаково: «Они поженились и жили долго и счастливо». А что потом? Потом измена, боль, слёзы. Всё это вдруг появилось и в жизни Оксаны. Через семнадцать лет совместной жизни с Александром сказка вдруг закончилась. Закончилась ли? Может, это только неприятная страница жизни, и их любовь поможет перелистнуть её и жить дальше, долго и счастливо? (Мой любимый негодяй).

© Чурикова Л., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Битва с экстрасенсом	6
Луковица	7
Семья	12
Прогулка под дождём	18
Размышления перед сном	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лариса Чурикова
Никогда не говори мне «нет». Книга 3
Битва с экстрасенсом

© ЭИ «@элита» 2014

Битва с экстрасенсом

*Нельзя заставить полюбить,
Ведь Бог даёт свободу воли.
И просто без любви прожить,
Не надо слёз и нету боли.
Но пусто в сердце может быть,
Как в бесприютном сером поле.
И видишь, нет печальней доли,
Чем быть одной, и не любя.
Прошу: заставь любить себя!*

2002 год. Ноябрь

Луковица

Поздним осенним вечером в убогой однокомнатной квартире для трёх девушек-студенток остро стоял один вопрос: что они будут кушать сегодня на ужин* Если быть точной, то это больше всего волновало одну из них, Валентину – полненькую жизнерадостную хохотушку.

– Девочки, я, конечно, понимаю, что сегодня дежурная по кухне, но я же не волшебница. Я не знаю, что приготовить из того набора продуктов, что у нас осталось.

– А что у нас осталось? – лениво произнесла Алла, не отрываясь от маникюра.

Аллочка считала себя красавицей, впрочем, таковой и была: пепельно-белые от природы прямые волосы, идеальная высокая фигура, 90–60–90. Может, не совсем 60, и не везде, где нужно, 90, но Аллочка очень старалась. Правильное слегка вытянутое лицо, пухлые губки, глаза небольшие и узко посаженные, но этот недостаток прекрасно исправлялся с помощью косметики. Особенно выгодно она смотрелась на фоне соседок: пышненькой круглолицей Валентины, и Светланы, которая вообще была вне конкуренции со своим ростом – метр пятьдесят с хвостиком. Рост, конечно, особое значение у девушек не имеет. Если бы Светлана пользовалась косметикой, научилась одеваться и привела в порядок непослушные кудри, она могла бы тоже считаться красавицей. Но, казалось, внешность для этой девушки абсолютно безразлична.

– На данный момент у нас осталось, – отчитывается Валя, вернувшись из кухни, – небольшой кусочек мяса и одна картофелина, правда, очень большая.

– Тогда я предлагаю с сегодняшнего дня всем вместе сесть на диету, – мудро предложила Алла.

– Меня это не устраивает, – фыркнула Валентина, – Я уже вечером умирать буду от голода, и до завтра не доживу. Света, что ты молчишь, предлагай что-нибудь!

Светлана, сидевшая в углу дивана с книгой в руках, оторвалась от чтения и подняла глаза на подругу:

– Валюш, у тебя есть мясо и картошка, неужели ты не сообразишь, что из этого приготовить?

– Мяса маленький кусочек, если я его отварю или поджарю, то мне одной едва хватит, чтобы наестся. Хотя... Аллочка садится на диету. А ты не хочешь, Свет?

– Нет-нет. Мы так не договаривались! – возмутилась Аллочка, – Если на диету, то все вместе, а так я тоже есть хочу.

– Вот! Я так и думала! – Валентина упёрла руки в бока, с возмущением взирая на подруг.

– Валя, свари суп, – предложила Света, – И тогда всем хватит, чтобы поужинать.

– Умная какая! Ты думаешь, я сама не догадалась бы? Но мясо и картошка... какой же это суп. Хотя бы лук ещё! Но у нас нет!

– Я так поздно в магазин не пойду, – сразу предупредила Алла, – К тому же у меня денег нет.

– Как на свидание, так пойду, а в магазин нет! И на косметику у тебя сегодня нашлось! – ответила Валентина.

– Косметика – это святое. Вообще-то дежурная ты, вот и выкручивайся, – Аллочка переключила все внимание на и без того идеальные ногти, тщательно их полируя.

– Валя, попроси у соседки лука, она не откажет, – посоветовала Света.

– Да мне уже неудобно. Сколько можно пользоваться добротой Нины Ивановны? К тому же мы ей ещё сахар не отдали, – с грустью проговорила девушка.

– Объясни ей, ты же можешь. Валь, я завтра попрошу оплату у Таисии Павловны, и куплю продукты.

– Завтра и у меня стипендия, нам бы сегодня пережить, – заметила Валентина, – Ну ладно, пойду ещё раз потревожу соседку, хоть и не хочется! – протянула она последнюю фразу.

Валентина неохотно поплелась из комнаты. Вышла на лестничную площадку и в нерешительности остановилась перед дверью Нины Ивановны, продумывая жалобную речь, а также в последний раз мысленно просматривая все варианты выхода из положения: вдруг она что-то упустила и можно как-то обойтись без спонсорской помощи.

Пока она мялась перед чужой дверью, услышала, как наверху хлопнула дверь, и какой-то мужчина стал спускаться по лестнице. Решила подождать, когда он минует их площадку, чтобы попрошайничать без свидетелей, но, мельком взглянув на него, заметила, что в руке парень держит большую луковицу. «Не может быть!» – выдохнула Валентина, не задумываясь над тем, почему хорошо одетый молодой человек с кожаным портфелем в одной руке в другой держит луковицу. Валя понимала только одно: Бог услышал её молитвы.

Стас был ошеломлён и растерян, когда заметил взгляд полной девушки, стоящей ниже на лестничной площадке. Ей что-то от него нужно. Ему совсем не хотелось выяснять, что. Хотелось быстрее добраться домой, выпить горячего чая и завалиться в постель. «Только не прикасайся ко мне», – мысленно взмолился Стас. Не хватало ещё вдобавок к головной боли, вызванной непроходящей простудой, забить голову проблемами этой пышечки. Но обойти её крупную фигуру непросто, тем более глаза девушки говорили: она настроена решительно.

– Молодой человек, вы не представляете, как хорошо, что я вас встретила. я тут стою и думаю, где бы среди ночи раздобыть луковицу, мне так её не хватает, чтобы сварить суп, а тут вы, как сам Господь Бог, спускаетесь сверху с предметом, о котором я мечтаю. Вы не могли бы мне отдать эту луковицу! Я буду так благодарна! И не только я! Мы вас за это чаем угостим, заварка у нас есть, и сахар тоже, а лука нет, и я не знаю, как...

Девушка говорила торопливо, взахлёб, почти без пауз. Стас не сразу понял смысл её слов, точнее, вообще ничего не понимал, ему казалось, что из-за её скороговорки высоким голосом мозги в голове плавятся и превращаются в какую-то кашу. И, конечно, такие эмоциональные девицы не могут обойтись без жестов. В подтверждение своих намерений не выпустить его живым, девушка вцепилась в рукав куртки. Он не успел поставить защиту, он и в нормальном состоянии это делал плохо. Его больная голова просто взорвалась эмоциями девушки, главной из которых была: хочу есть!

Изумлению нет предела! Хочу секса, хочу денег, хочу такую сумочку, хочу похудеть, – подобными мыслями обычно забиты хорошенькие головки молодых девиц. Но «хочу есть»! Это он «услышал» впервые. Поэтому попытался вникнуть в речь экспансивной девушки.

– Так что? Вы меняете свою луковицу на чашку чая? – сосредоточила она предыдущий монолог в одно предложение, заметив его заинтересованный взгляд.

Стас молча протянул ей лук. Не думал он, что этот овощ вызовет такой ажиотаж. Он догадывался, что странно будет выглядеть, шагая по улицам города с огромной луковицей в руке. Но она не влезала в портфель, карманы облегающей кожаной куртки из-за неё странно топорщились, поэтому парень собирался нести её в руках до ближайшей урны. Не взять её он тоже не мог, боясь смертельно обидеть Веру Степановну, которая убеждала, что луковый сок, особенно из этого сорта крымского лука, поможет ему быстрее избавиться от насморка. А кто теперь поможет избавиться от девушки, которая мёртвой хваткой вцепилась в рукав куртки, и не отпускала, даже заполучив вожаделенный продукт.

– Нет-нет, я вас просто так не отпущу, я обещала в благодарность угостить чаем. Пойдёмте, наша квартира вот, я надолго не задержу, – уговаривала Валентина, подталкивая его к двери.

Стас смирился с тем, что от неё так просто не отвяжешься, к тому же в нём взыграло любопытство. Интересно увидеть, как живёт девушка, в мыслях которой главенствует «хочу есть», и которая за луковицу готова наброситься на незнакомого мужчину.

Конвоируемый дамой, если и не превосходящей его по росту, то по ширине и весу точно, Стас вошёл в квартиру. Из крохотной прихожей вели три двери: комната, кухня, ванная. Типичная однокомнатная квартира, сдающаяся в наём. Вошли в комнату.

– Девочки, вы не представляете, – с порога начала Валентина, – я стою такая, а по лестнице спускается этот симпатичный молодой человек, и в руках у него лук! Я попросила, и он любезно мне его обменял на чашку чая.

Стас оглядел аудиторию, к которой она обращалась. Высокая эффектная блондинка в ярко-синем домашнем костюме, стоящая возле стола, изумлённо вскинула брови. Удивление быстро сменилось заинтересованностью, она оценивающе посмотрела на парня и ослепительно улыбнулась. На диване сидела вторая девушка. Точнее Стас охарактеризовал бы так: забилось с ногами в угол дивана нечто маленькое, серое и мрачное. Девушка очень худая, бледная, с копной волос непонятного тёмного цвета, небрежно стянутых на затылке в тугий узел, в серой трикотажной кофте, натянутой на фланелевый халат такой же мрачной расцветки, что и кофта. Она бросила быстрый взгляд на гостя и снова углубилась в книгу.

– Познакомьтесь, это Алла и Света, – представила девушка-конвоир, – Меня зовут Валентина, а вас как? Вы до сих пор не представились! – заметила Валентина.

Снисходительная улыбка скривила губы Стаса. В течение монологов девушки он не промолвил и слова, но Валентина этого не заметила.

– Станислав, – проговорил он хриплым от простуды голосом.

Валентина ахнула:

– Так вам жизненно необходим чай! Я сейчас, быстро! Светик, я возьму твоё варенье?

Валя, не дожидаясь согласия Светика, выбежала из комнаты.

Проводив её взглядом, Стас посмотрел на блондинку. Та кокетливо улыбнулась, указала ему на стул, сама осталась стоять, опершись о столешницу.

«А он ничего, решила для себя Аллочка. Высокий, но не громила, широкие плечи, надеюсь, на ощупь такие же твёрдые, как кажутся. Пухлые губки, наверное, целуется прекрасно. Глаза какие-то странные, а волосы, должно быть, светлые. И зачем он натянул эту идиотскую шапочку, с кожаной курткой она совсем не сочетается».

– В общем, я Алла, сразу извиняюсь за бесцеремонность Валентины. Она такая! Кого хочешь уболтает и выпросит всё, что угодно.

Стас пожал плечами.

– Тебе трудно разговаривать? Горло болит? – озабоченно произнесла Алла.

Он кивнул.

– А ты учишься, или уже работаешь? – опровергая заботу, задала Алла вопрос, на который невозможно отделаться кивком головы.

– Работаю, – выдавил из себя Стас.

Алла поняла оплошность, потому дальше разговор взяла в свои руки.

– А я ещё учусь, – начала она повествование, подтягивая стул и усаживаясь рядом с парнем. Стас болезненно поморщился, но слегка склонил к ней голову, делая вид, что внимательно слушает, – Четвёртый курс, экономический. Светка с Валею в технологе, третий курс. А вообще я из Тулы, там мои предки бизнесом занимаются. Но мне туда возвращаться не хочется, в Москве гораздо интересней и больше возможностей. А в Туле у нас большая квартира и дача на берегу Оки, а ещё...

Пока Алла рассказывала о себе и своих родителях, Стас «сканировал» собеседницу. Высокомерна, тщеславна. Его сразу оценила как подходящую кандидатуру для своего списка.

Списка? Взглянув внимательней, он понял, о чём она. Алла тщательно записывала в какое-то подобие дневника свои любовные победы, давая очередному парню краткие характеристики и присваивая порядковый номер. Он должен стать то ли десятым, то ли одиннадцатым – Алла не помнила точно.

Стас быстро потерял к ней интерес. Делая вид, что слушает, он переключил внимание на молчаливое нечто, уставившееся в учебник по маркетингу. И... ничего. У неё в голове ни одной мысли? Или она из тех немногих сильных личностей, что умеют ставить блок? Похоже.

– Девочки! – раздался звонкий голос Валентины из кухни, – Чайник закипел, помогите кто-нибудь перенести чашки!

– Света! Ты слышала? – обратилась Алла к девушке в углу дивана, – Помогите Валюше! – приказным тоном добавила она.

Света оторвала глаза от книги, взглянула на Аллу и неожиданного гостя. Стас поразился, насколько огромными показались её глаза на маленьком бледном лице.

Валентина и Света принесли в комнату чайник и чашки, расставили на маленьком столе, заваленном учебниками. Стас со стороны наблюдал за суетой студенток. Валентина, не умолкая, говорила, повторяя историю изъятия лука и добавляя, между прочим, что они не так уж и бедны, просто совпало, что одновременно закончились и деньги и продукты, но завтра у них непременно всё наладится. Стас чувствовал раздражение Аллы от того, что Валентина перехватила инициативу разговора и не давала никому вставить слова. Но Алла по каким-то причинам побаивалась эту девушку, и старалась сдерживаться по отношению к ней. А вот вторую подругу ни во что не ставила, мысленно называя «замухрышкой». И Стаса эта замухрышка очень интересовала. Он украдкой посматривал на неё, пока она разливала чай по чашкам.

– У нас есть очень вкусное малиновое варенье, – заметила Валентина. – Светкина мама делает. Как только у нас начинает кто-то заболеть, первое средство – варенье.

Стас вздохнул и терпимо улыбнулся. У бабы Веры панацея – лук, у этих девушек – варенье.

– Свет, подай мне чашку, – капризно произнесла Алла, не желая вставать со своего места рядом с парнем.

Света безропотно взяла две чашки, одну протянула Алле, другую гостю.

«То, что надо!» – решил Стас, и взял чашку так, чтобы коснуться её пальцев. И тотчас его голову пронзила боль, страх, паника, исходящие от девушки. Она быстро отдернула руку, чашка выскользнула, её лицо приобрело какое-то измученное выражение.

– Да что ты за растяпа! – с намеренно оскорбительным высокомерием воскликнула Алла, вскочила со стула, отряхивая брюки, забрызганные чаем. Стас не пошевелился, сохраняя невозмутимость, пристально глядя на девушку и мысленно задавая вопрос: что с тобой не так?

– Простите, простите, – торопливо извинялась Света, растерянно моргая, – Я сейчас ещё принесу, – она подняла с пола чашку и выбежала на кухню.

– Не обращай внимание. Она всегда такая потерянная, – с сарказмом пояснила Алла.

– Ничего, бывает, – произнёс Стас.

Валентина вытерла пол, Светлана вернулась с чистой чашкой, налила чай и снова протянула Стасу. Теперь он постарался взять чашку так, чтобы не коснуться её. Это ему уже не нужно: он знал ответ. Она боится его и ненавидит. Но почему? Он кого-то ей напоминает? Через какое-то время понял: она боится его только потому, что он мужчина. Она ненавидит теперь всех мужчин. Три месяца назад две особи мужского пола – Стас их мог охарактеризовать только так – нанесли ей травму, от которой она долго не избавится. Её избили, изнасиловали, и пригрозили убить, если вздумает пожаловаться.

Стас понимал, что даже если бы и не было этой угрозы, она никому не открылась бы, потому что некому. Она держит всё в себе, постепенно сходя с ума из-за невозможности выплеснуть боль и обиду.

Ему стало жаль это несчастное создание, но помочь он сейчас не мог, как не мог и долго находиться рядом с ней. Поэтому, выпив обещанную чашку чая с действительно очень вкусным вареньем, быстро распрощался, сделав вид, что не заметил разочарованно-удивлённого лица Аллы.

Семья

Шагая домой по ночным улицам, Стас понял, что странная девушка Света его затронула. В них было нечто общее: оба не выносили прикосновения, у обоих была тайна, которую не могли доверить никому. Станиславу двадцать пять лет. Примерно с десятилетнего возраста он начал понимать и систематизировать вспышки, видения и предчувствия, которые всё чаще посещали его. Он понял, что обладает способностями ненормальными, непонятными и недосягаемыми для большинства людей. Первое, с чем ему удалось разобраться – это чужие мысли, которые он начал отчётливо слышать с семи лет. Это испугало и ошеломило домашнего мальчика, впервые оказавшегося в большом шумном коллективе школы. Посторонние мысли и видения возникали вдруг и ниоткуда, и уходили в никуда. Это мешало сосредоточиться, часто болела голова, а тело находилось в постоянном напряжении. Он пропускал занятия, по причине плохого самочувствия, но за несколько дней дома всё проходило. Врачи разводили руками и говорили обеспокоенной бабушке, что это возрастное и скоро пройдёт.

За несколько лет он научился как-то жить с этим. Никому, даже близким, он не открывал своих способностей. Сначала не совсем понимая, что с ним происходит, боялся, что его поднимут на смех, потом не хотел вызвать нездоровое любопытство. Он не радовался и не гордился своей уникальностью. Воспринимал скорее как наказание Господне, чем как дар, и ничего хорошего в нём не видел. Ведь говорят обычно то, что ты хочешь услышать, а грязные мысли стараются скрыть.

В начальных классах Стас считался забитым закомплексованным болезненным ребёнком, с которым мало кто желал общаться. А он, понимая, что на самом деле думают о нём одноклассники, долго не мог поддерживать даже видимость хороших отношений, стараясь молча отгородиться от всех. Потом, когда Стас научился жить в ладу со своими возможностями, его замкнутость посчитали высокомерием и надменностью. А потом он действительно стал таким – гордым, сдержанным, несколько отстранённым, не терпящим неуважения к себе. Он научился абстрагироваться от мысленных посылов, и теперь к нему в голову не лезли непрошенные гости, если он сам их не пускал.

Но с прикосновениями ничего не мог поделать: как только его касался другой человек, то становился открыт, как книга, не всегда понятная, но вполне читаемая. А если этот человек подвержен каким-либо сильным эмоциям, то и в голове Стаса происходил похожий эмоциональный взрыв.

Учился он отлично, и вовсе не потому, что заранее знал, какой вопрос задаст учитель, или какой билет вытянет на экзамене. Ему было интересно учиться, к тому же, за неимением друзей он понял, что, собственно, ему больше нечем заниматься.

В выпускном классе он открыл в себе ещё одну уникальную способность: приложив некоторые усилия, он мог повлиять на эмоции, поведение и даже самочувствие другого человека. Правда, после этого сам чувствовал себя неважно. Создавалось впечатление, что всё, что он хочет изменить, проходит через него, он испытывает сначала на себе чужую боль, страх, гнев или желание и, изменив это в другом человеке, остаётся совсем без сил, с выпрыгивающим сердцем, будто пробежал стометровку.

Первый раз это случилось в одиннадцатом классе, в начале учебного года. Учитель задержался на урок, и среди ребят, ещё не усмиривших после летних каникул, вдруг разгорелась ожесточённая потасовка. Сначала словесная перебранка, потом в ход пошли кулаки и учебники. Стас, как всегда, сидел в стороне, за второй партой у окна, и старался не обращать внимания на то, что происходит сзади. Голова болела невероятно, он отвык за время каникул от эмоциональных встрясок, и сейчас никак не мог войти в колею. Хотелось тишины и покоя, хотелось очутиться там, где ни одной живой души...

Сам не зная, почему, он вдруг встал с места, протиснулся в кубло орущих и мутузящих друг друга ребят, положил руку на плечо самого буйного в классе, Витьки Локтева, и, глядя тому в глаза, мысленно приказал успокоиться. Шум внезапно стих. Витька ошеломлённо уставился на Стаса, всем показалось, что сейчас ему врежет. Но тот только тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, как-то натянуто улыбнулся и тяжело опустился на стул.

Сцена прошла в полном молчании. Стас вернулся на своё место, услышав позади себя окрик заводилы и буяна:

– Все успокоились и сели!

Стасу показалось, что он никогда в жизни не чувствовал в себе столько сконцентрированной злобы, ненависти и желания всё это выплеснуть на других. Несколько минут его мутило и трясло, тело покрылось испариной. А потом прошло, осталась только одуряющая слабость.

А ещё через месяц он доказал себе, что может убирать, пропуская через себя, не только гнев, но и боль. Танька Соловьёва второй урок тихо рыдала, сидя за последней партой, от обиды и несправедливости. Отличница, она шла на медаль, и тут глупая четвёрка по физике в первой четверти. Ему стало её жалко.

На перемене он подошёл к ней и опустил руку на голову, успокаивая, провёл по волосам. Всхлипы прекратились. Она подняла на него красные зарёванные глаза:

– Стас, у тебя такие нежные руки! У меня дико болела голова, а теперь сразу прошла! – с восхищением и улыбкой проговорила девушка.

Он это отлично знал, потому что теперь у него дико болела голова.

Именно эта Татьяна станет потом, после выпускного, его первой женщиной. Именно на ней он опробует свои способности в отношении к девушкам. Правда, как потом выяснилось, никаких особых способностей для того, чтобы расположить к себе слабый пол, применять не требуется. К шестнадцати годам он стал довольно симпатичным парнем, а аура загадочности и отстранённости притягивала к нему девушек. Поэтому в дальнейшем в отношениях с женщинами проблем не было.

Проблемы возникали у женщин. Он слыл прекрасным любовником – ещё бы, он всегда знал, чего она хочет. Но дальше нескольких встреч дело не шло. Как только проходил угар первых страстных мгновений, и его начинали оценивать как племенного жеребца, или рассматривать как выгодную партию, отношения обрывались без объяснений. Поэтому в институтских кругах и среди знакомых он считался бессердечным повесой, который легко заводит отношения и с лёгкостью их разрывает. Становится таким холодным и отчуждённым, что подруга, которая вчера таяла в его руках и думала, что она единственная и самая любимая, не могла понять, что она сделала не так, чем вызвала полнейшее равнодушие.

– Ба, я дома, – прокричал Стас из прихожей, заметив свет в гостиной. Значит, бабушка ещё не спит, дожидаясь внука.

В коридор вышла маленькая худенькая женщина с морщинами на лице и ясными бледно-голубыми глазами. Надежда Егоровна, семидесятилетняя бабушка Станислава.

– Я уж заждалась, что ж так долго! Наверное, Вера, как всегда, задержала.

Надежда Егоровна имела в виду свою давнишнюю подругу, с которой теперь, по состоянию здоровья, встречалась редко, в основном созванивались, а если что-то нужно передать, пользовались услугами Стаса.

– Ничего, бодрится. Очень боится ехать, но, по-моему, смирилась с неизбежным, – отчитывается Стас, раздеваясь в прихожей.

Он нежно обнял бабулю, проверяя по привычке её состояние. Ледяным холодом обожгло его беспокойство, терзавшее душу старой женщины. Он пошатнулся, прижал руки к вискам.

– Стасик, что? Снова голова болит? Присядь, – бабушка заботливо попыталась усадить его на табурет в прихожей.

– Не переживай, со мной всё хорошо, это простуда никак не пройдёт, – оправдывается Стас, за плечи провожая бабушку в гостиную и усаживая на диван, пытаясь понять заодно, что её так расстроило.

Даже родной бабушке, воспитавшей его с младенчества, он не открывает свою тайну. Хотя порой кажется, что она о чём-то догадывается. Не всегда он мог придумать достойное объяснение тому, что неизменно знает о её плохом самочувствии или о проблемах, которые переживает их маленькая семья. А также почему бабушке сразу становится легче, как только внук оказывается рядом: нормализуется давление, перестаёт болеть голова, даже часто беспокоившее последнее время сердце успокаивается, стоит Стасу обнять любимую бабулю.

– Стасик, я сегодня видела нашего главврача, Леонида Сергеевича...

– Ба, ты опять была в больнице! Я же сказал, чтобы ты больше не работала! Я уже не учусь, я способен заработать, чтобы содержать себя и тебя! Хватит! Ты обещала, что рассчитаешься!

– Милый, да мне же не трудно, – виновато оправдывается Надежда Егоровна, – Два часа – и полы помыты, а это какие-никакие деньги, разве ж они нам помешают?

– У тебя больное сердце, у тебя болят суставы, ты, в конце концов, на заслуженном отдыхе, ты заслужила покой, бабуль, давай это в последний раз. Обещай мне, что не будешь работать больше. Хочешь, я сам схожу в поликлинику и предупрежу, что ты не выйдешь на работу?

– Хорошо, я не буду работать, завтра последний раз схожу. Предупрежу всех, с девочками попрощаюсь, тортик им, что ли, купить.

– Покупай тортик, чай, конфеты, прощайся, и чтобы больше никакого мытья полов! А если тебе скучно, выйди на скамейку, там целый день твои ровесницы сидят. Пообщайся с ними.

– Хорошо, милый, ты не сердись на меня.

– Да не сержусь я! Я волнуюсь за тебя, – примирительно сказал Стас, – У меня ведь никого нет, кроме тебя, а ты совсем себя не бережешь.

– Ох! Овца старая, а самого главного-то я и не сказала! – воскликнула Надежда Егоровна, – Подходит, значит, сегодня ко мне Леонид Сергеевич, главврач наш, хороший человек. Я ему недавно о тебе рассказывала, про твои головные боли, про слабость без причины, про..., – сбилась бабушка, заметив гневный взгляд внука.

– Зачем? Я же говорю тебе, у меня всё хорошо, всё быстро проходит, всё нормально.

– Не обманывай меня, Станислав, я тебя знаю двадцать пять лет, я чувствую, что у тебя не всё так хорошо, как ты пытаешься меня убедить. Тебе давно нужно показаться врачам, а ты всё отнекиваешься, всё ищешь предлог не идти в больницу.

– Да незачем мне туда идти! – вспыхнул Стас.

– И не надо, – вдруг согласилась Надежда Егоровна, – Леонид Сергеевич сказал, что у него есть хороший друг, он работает в частной клинике, он хороший специалист, он просто тебя осмотрит и даст консультацию. Он предупредил своего друга, мне дал адрес и телефон. Как только ты согласишься, нужно позвонить ему, и он тебя сразу примет. Стасик, ради меня, сходи к этому доктору, – жалобно просит бабушка.

– Ну если только ради тебя. Но за это ты бросаешь все подработки и наслаждаешься отдыхом, – вынес встречное условие Стас.

– Согласна.

– Где визитка?

Бабушка протянула листок бумаги. Стас удивлённо вскинул брови:

– Врач-психотерапевт... Клиника постстрессовых состояний? Ба, ты что, считаешь меня ненормальным?

– Да что ты такое говоришь! – обиделась бабушка, – Леонид Сергеевич сказал, что все твои проблемы от нервов, из-за детского стресса.

– Да не было никакого стресса!

– Мне лучше знать, Стасик, твоё восприятие сейчас не такое, как у семилетнего ребёнка, но я-то взрослый человек, я видела тебя. И, не забывай, я работала с детьми, и кое-что соображаю в детской психологии, – не сдавалась бабуля.

– Ну, хорошо, – соглашается Стас, чтобы успокоить бабушку, – Только я позвоню на следующей неделе, эта очень загружена, к тому же мне следить за квартирой Веры Степановны, – и он швырнул визитку на столик возле телефона.

Надежда Егоровна подошла и положила бумажку так, чтобы она сразу бросалась в глаза, и не позволила внуку пройти мимо и забыть об обещании.

Стас не собирался обращаться ни в какую клинику, а неделя ему нужна, чтобы придумать достоверное объяснение или подходящее оправдание. Главное, сделать так, чтобы бабушка прекратила гробить себя на различных подработках, ради этого он пообещает всё, что угодно. К сожалению, проследить, выполнит ли она обещание, ему трудно. После института он устроился в частную нотариальную контору, работа с восьми до пяти, потом приходится ехать на квартиру Веры Степановны, пока та гостит у дочери. И во время отсутствия внука бабуля может делать, что хочет. И ясно одно: сидеть дома и наслаждаться заслуженным отдыхом она не хочет. А тут ещё звонок матери...

Он разглядел его, пытаясь понять, что так расстроило бабушку. Что нужно этой твари, зачем она звонила? Стас знал, что бабушка не расскажет об этом разговоре, будет переживать сама, в сотый раз задавая себе вопрос: «Почему моя дочь такая, что я упустила в её воспитании?». Ему хотелось ответить, что ничего не упустила, что нет никакой вины бабушки в том, что рядом с ней выросла красивая хладнокровная тварь. Но бабушка никогда не задавала этот вопрос вслух, старалась не обсуждать с внуком его мать, оправдывала, как могла, дочку. И почти всё, что он знал о взаимоотношениях матери и дочери, он знал благодаря своему дару.

Стас же не мог найти никаких оправданий женщине, начисто лишённой не только материнских инстинктов, но и элементарной дочерней привязанности и благодарности. Та женщина, которая дала Станиславу жизнь, и только, методично отнимала здоровье у своей матери – бездушием, угрозами и оскорблениями. Он бы простил своей биологической матери то, что она бросила его, когда ему не исполнилось и года, что всегда думала о нём, как о досадной помехе, что за всю жизнь не удосужилась ни разу поздравить сына с днём рождения, подарить что-либо, не говоря об элементарной финансовой помощи. Но то, что она отбирала здоровье у его любимой бабушки, с каждым появлением словно высасывала жизнь из этой святой для него женщины, он простить не мог.

Всю жизнь Надежда Егоровна пыталась понять, почему у неё такая дочь. Рано похоронив мужа, она всю любовь и силы тратила на воспитание любимой Риточки. Правда, много внимания уделять дочери не получалось. Работала педагогом, брала все возможные подработки, только чтобы её сиротка ни в чём не нуждалась. Уходила в школу рано, возвращалась поздно, занималась репетиторством. Зато у Риточки всегда были лучшие в классе наряды.

И за вечной работой не заметила, как из тихого домашнего ребёнка её дочь превратилась в дворовую девчонку, гуляку и душу компании. Предоставленная сама себе, Маргарита искала своё место в жизни, и вскоре поняла, что оно вовсе не дома, рядом с вечно занятой матерью. После многочисленных ссор и скандалов, когда Надежда Егоровна пыталась что-то исправить и вернуть свою «малышку», Рита сказала, что будет жить с парнем, и ушла из дома. Через год вернулась, имея седьмой месяц беременности, родила сына, и через полгода снова исчезла устраивать личную жизнь, оставив ребёнка на бабушку.

Понимая ошибки в воспитании дочери, Надежда Егоровна постаралась не совершать подобных по отношению к внуку. Со школой пришлось расстаться, как только подошла пенсия. Денег катастрофически не хватало, поэтому она занималась репетиторством, нанималась где-нибудь уборщицей на несколько часов, лишь бы не оставлять ребёнка одного надолго, и дать ему хотя бы самое необходимое. Бабушка понимала, что внук очень болезненный мальчик, поэтому в детский сад он не ходил, всю начальную школу практически просидел дома, но, благодаря занятиям с бабулей, от программы не отстал, и рос умным и начитанным ребёнком.

А мама... мама появлялась иногда в квартире, и никогда её появление не приносило радости. Потому что она приходила только тогда, когда в жизни начинались проблемы. Первые семь лет она отсутствовала вообще, так как вышла замуж за иностранца и уехала жить в Грецию. Её ревнивый муж ничего не знал и не должен был знать о ребёнке. Все первые семь лет жизни внука бабушка старательно сочиняла легенду о его хорошей доброй маме, которая далеко, которой очень трудно. Но которая его любит, помнит, и когда-нибудь обязательно придет. Мама даже передавала какие-то подарки для сына ко дню рождения.

То, что эти подарки куплены бабушкой, но преподнесены от имени матери, Стас понял, когда ему исполнилось семь лет. В этот день он должен был первый раз увидеть мать. С греческим мужем у неё не сложилось, и она возвращалась в Москву. Накрыт праздничный стол, приготовлены подарки для мамочки в виде альбома с рисунками, красивого стихотворения и аккуратной тетрадки, исписанной детским почерком. И вот к ним ворвалась невысокая худая женщина, окутав их уютную, но бедную квартиру ароматом дорогих духов и ослепив Стаса непривычно яркой одеждой.

Всю жизнь он помнит, как стоял в прихожей с бешено колотящимся сердцем, и замирал от восторга и радости, что его мама вернулась, что она такая ослепительно красивая, как и рассказывала бабушка. А мама, взлохматив его светлые волосы и сунув в руку шоколадку, проговорила бабушке: «Нужно поговорить», и, пройдя мимо празднично накрытого стола, увела бабушку в спальню. Мальчик долго стоял перед закрытой дверью, судорожно сжимая в руке незамысловатые подарки.

За дверью громко и оживлённо говорили, он чувствовал, что бабуля расстроена, а голос матери возмущённо-обиженный. Стас решился войти, чтобы порадовать своими подарками, которые должны были рассказать о его детских успехах. Может, тогда его мама перестанет кричать, а бабушка огорчаться. Он тихо вошёл в комнату, привлекая внимание матери, взял её за руку, протянул свой альбом. Та взглянула на сына, и Стас первый раз отчётливо услышал чужие мысли: «Этот гадёныш только мешает. И почему я не убила его, когда он не родился? Теперь из-за него лишние проблемы».

Расширившимися от ужаса глазёнками малыш смотрел на эту женщину, видел в её глазах презрение и холод, и не мог принять и осознать ту ненависть, которую она испытывает к нему.

– Стасик, не мешай, мы с бабушкой разговариваем, – раздражённо сказала женщина, которая считалась матерью, и подтолкнула его к выходу.

Больше в тот день он её не видел. Не получив от матери желаемого, Маргарита ушла, хлопнув дверью. Бабушка нашла внука в его комнате. Он сидел на кровати, тупо смотрел в одну точку и бормотал, как заклинание: «Это неправда, это неправда, это неправда».

Бабушка полдня не могла ничего сделать: он не ел, не спал, не реагировал ни на что. Сидел с открытыми глазами, раскачиваясь из стороны в сторону, и бормотал свою мантру. Врачи приехавшей «скорой» вкололи ему успокоительное и уехали. Только тогда малыш уснул, но ночью у него поднялась температура, он бредил, также повторяя «это неправда», бабушка решила дождаться утра и снова вызывать неотложку, но утром Стас встал с постели с нормальной температурой.

С того момента он осознал, что его семья – это он и бабушка, а также понял, что не доверяет ни одной женщине моложе пятидесяти лет. Этого воззрения, сформированного в детстве, он придерживался всю жизнь.

Прогулка под дождём

На улице ливень. Конец ноября, мог бы идти снег. А дождь при температуре плюс пять был логичен месяц назад, но в природе что-то перемешалось, и в октябре морозило, как в настоящую зиму. А теперь почти тёплый ливень.

Стас решил забежать в квартиру Веры Степановны в обеденный перерыв, чтобы вечером пораньше прийти домой. Поднимаясь по лестнице, он вспомнил событие двухдневной давности. Вот третий этаж, лестничная клетка, где его поймала с луковицей Валентина.

Вон квартира девушек. Интересно, как там странная девушка Светлана? Про себя Стас почему-то называл её именно так.

Вдруг дверь распахнулась, из квартиры выпорхнула она. Крутанувшись на каблуках так, что взметнулся огненный вихрь непослушных длинных волос цвета тёмной меди, быстро повернула ключ, так же резко развернулась, чуть не столкнувшись со Стасом, который поднялся на площадку.

– Ой, – и ключи со звоном падают на пол. Она нагибается их поднять, непослушные волосы каскадом рассыпаются по плечам, закрывают лицо, она досадливо их откидывает.

Стас поднимает ключи и протягивает девушке:

– Здравствуй, Светлана!

И почему он тогда решил, что она некрасивая серая мышка? Какой-какой, а вот серой её точно нельзя назвать. Нежный овал лица, белая, почти прозрачная кожа, словно светящаяся изнутри, большие ярко-карие глаза. И волосы. Удивительные, пышные, блестящими красно-коричневыми волнами ниспадающие за спину.

– Здравствуйте, – она смущённо опустила глаза и, помедлив – он уже решил, что она его не узнала, – произнесла, – Станислав.

Узнала!

– Извините, я такая растрёпа, я спешила... – пробормотала она.

Стас понял, за что она извиняется, когда увидел, как она пытается руками усмирить непослушные локоны и как наяву «услышал» раздражённый голос Аллочки, минуту назад прозвучавший по телефону: «Светка! Ты меня поняла! Быстро!»

– Я хотел поблагодарить тебя за чудодейственное варенье, – Стас подошёл к ней как можно ближе, её взгляд испуганно заметался, она отступила назад и внутренне сжалась. «Успокойся, я не причиню тебе вреда», – мысленно убеждал он, сомневаясь, что у него получится без тактильного контакта.

– Как ваше самочувствие? – с заботой в голосе произнесла она и, кое-как скрутив волосы в небрежную косу, отбросила за спину.

– Как видишь, – Стас развёл руками, – На следующий день от простуды не осталось и следа.

– Я рада, – она искренне улыбнулась. То, что она теперь не «растрёпа», её успокоило.

– Хочу предупредить: на улице сильный дождь, – Станислав критически оглядел её тоненькую курточку без капюшона и при отсутствии шапки, – Если ты выйдешь в таком виде, промокнешь сразу, и тогда простуда тебе обеспечена. А это очень неприятно, поверь моему опыту.

– А у меня есть зонт, – для подтверждения Света показала маленький складной зонт, – Мне Аллочка позвонила и попросила принести ей в универ, а то она не знает, как домой добраться, – пояснила она.

Стас поразился, как можно быть такой наивной и доверчивой по отношению к так называемой подруге.

– Интересно, а как ты пойдёшь обратно? – он смотрит на неё, как на неразумного ребёнка, со снисходительной улыбкой.

– Ой! Не знаю. А может, дождь тогда перестанет, – находится Светлана.

– Тогда и Аллочка сможет добраться домой без зонтика. А ты сейчас идёшь в квартиру, если тебе лично никуда не надо, – почти приказным тоном произнёс Стас, но девушку это не смутило.

– Алла моя подруга, я обещала принести зонт, и не могу молча отсидеться в квартире, – несколько недоуменно выдала Света прописную истину.

Стас понял: даже если он подвергнет её сеансу гипноза, убеждение в том, что Алла подруга, а Света ни в коем случае не должна нарушать данных обещаний, останется незабываемой.

– Тогда я тебя провожу. И не смотри на меня удивлённо. За то, что ты помогла мне избавиться от простуды, я должен в благодарность хотя бы не дать подхватить простуду тебе. Пошли в универ, – Стас приглашающим жестом махнул в сторону лестницы.

– Но ты не обязан... – растерянно и удивлённо пролепетала Света.

– Не обязан, а должен, – тоном, не принимающим возражений, перебил её Стас, – К тому же у меня есть зонт, а у тебя его нет, даже в квартире.

– Ну да, я думала, он ни к чему зимой, и не взяла из деревни, – зачем-то стала оправдываться она, спускаясь по лестнице, так же удивлённо поглядывая через плечо на Стаса, словно не веря, что он последует за ней.

А Стас мысленно слушал её истинные оправдания в том, что зонтика у неё нет и в деревне, как нет и подходящей для зимы курточки. Что мать в состоянии помочь ей только в оплате квартиры, а дальше выкручивайся, как хочешь. Что она скорее откусит себе язык, но не пожалуется и сделает всё, чтобы никто не догадался о её бедственном положении. Чувства гордости этой хрупкой девушке не занимать!

До универа, перескакивая через лужи, они добежали быстро. Перед входом в здание Света остановилась.

– Где же искать эту аудиторию? – задумчиво произнесла она, смущаясь, что задерживает провожатого.

– Какая аудитория? – спросил Стас.

– Она сказала, что будет в 102.

– Пойдём, я знаю.

– Ты что, тоже здесь учился? – удивилась она.

– Да, только вон в том корпусе, но расположение аудиторий везде одинаково, – Стас указал на серое здание, стоящее под углом к основному.

– И кто же ты по образованию? – любопытствовала Света, когда они шли по гулкому пустому коридору.

– Юрист. В основном, по гражданско-правовым делам, – ответил Стас, с удовлетворением отмечая, что она перестала называть его на «вы», – Так что, если нужно что-то купить, продать, оформить сделку, могу предложить свою помощь, я как раз работаю в нотариальной конторе, они этим занимаются.

– Чтобы продать что-нибудь из ненужного, надо сначала купить что-нибудь из ненужного, – пошутила Света, – а у меня пока ничего ненужного нет.

– Имей в виду на будущее. А где ты учишься? – спросил он.

– Я учусь в технологе. Здесь тоже недалеко.

– Знаю. Когда учился, мы туда на вечера ходили... Вот и пришли. 102 аудитория.

Стас указал на дверь. Света робко постучалась, зная, что мешает занятиям, извинилась и попросила выйти Аллу. Та быстро вышла, и с ходу набросилась на подругу:

– Почему зонт мокрый? Куда я его теперь дену? Свет, тебя ни о чём нельзя попросить!.. – и осеклась, заметив Стаса, стоящего у окна. Раздражённая гримаса быстро сменилась кокетливой улыбкой, – Ой, Стас, а ты как здесь оказался?

– Случайно, – бросил он коротко и совсем недружелюбно, – Пойдём, Света, – и, подхватив девушку под руку, повлёк от аудитории, затылком чувствуя недоуменный взгляд Аллочки.

То ли из-за шока от такого обращения подруги, то ли сработали мысленные послылы, но она не отшатнулась, как раньше, а наоборот, вцепилась в его рукав. Стас положил руку на её ладошку, повторив ещё раз: «Доверяй мне. Я не сделаю ничего плохого».

– Алла не такая уж скверная, – вдруг начала оправдываться Света, чувствуя неловкость из-за бесцеремонности подруги.

– Я понял, только зонт для неё важнее твоего здоровья.

– Она всегда сначала говорит, а потом думает... и извиняется.

Извиняется? Стасу верилось с трудом.

Назад они шли медленно, прижавшись под одним зонтом, болтали ни о чём, и Стас поймал себя на мысли, что считает дождь очень своевременным и благословенным.

Расстались у дверей Светиной квартиры, как старые знакомые. И хотя никто не заикнулся о новой встрече, оба чувствовали, что она состоится.

Сегодня Стас вернулся домой немного раньше обычного. Удивлённая бабушка вышла в прихожую.

– Тебя уволили с работы? – с тревогой спросила она.

– Нет, не уволили, но сегодня у меня был повод уйти пораньше, – с загадочной улыбкой проговорил внук и нежно обнял бабулю, – Родная, когда же ты прекратишь беспокоиться обо мне? Я взрослый парень, и даже если меня уволят с работы, справлюсь с этим сам.

Он разделся и протянул Надежде Егоровне коробку с тортом.

– Идём на кухню. Будем праздновать. Ради этого я и ушёл пораньше с работы.

– Стасик, а какой же у нас праздник?

Стас провёл бабушку на кухню, достал из портфеля документы и протянул ей.

– Я сегодня получил документы на квартиру, – объяснил он, – Теперь ты можешь не волноваться, эта квартира принадлежит мне, и никто у нас её не отберёт. Ты рада?

– Конечно, я ведь этого и хотела, – проговорила бабуля с грустью в голосе.

– Ну что ещё, ба? Почему я не вижу радости в твоих глазах?

– Рита будет очень недовольна...

– А когда она была довольна? – вспыхнул Станислав, – Ты переживаешь о ней больше, чем она заслуживает! Ты всегда защищаешь её, хотя она не стоит волоса на твоей голове! Почему ты думаешь о ней, а она не поинтересуется твоим здоровьем?

– Стасик, потому что она моя дочь, и она твоя мать, – это прозвучало обречённо.

– Мать? Где была эта мать все моё детство? Где была твоя дочь, когда ты болела, когда тебе нужна была хоть какая-то помощь, чтобы поднять её ребёнка. Ба, ты моя мать, а она никто. И если бы не эта квартира, она бы не показывалась сюда. Ведь она только за этим ходит, ты же сама понимаешь, поэтому мы и переоформили квартиру на меня.

– Всё я понимаю, – под тяжестью реальности бабушка показалась Стасу такой уставшей, такой старенькой и больной... Он крепко обнял её.

Трёхкомнатная квартира в престижном районе стала камнем преткновения между бабушкой и его матерью. Как только очередное замужество оказывалось неудачным или просто нужны были деньги, Рита вспоминала о ценах на квартиры в сталинском доме, и являлась к матери с требованием продать или разменять квартиру, оперируя тем, что имеет право на наследство. Надежда Егоровна понимала, что если она уступит и выделит ей часть финансовую, или в виде жилья, надолго у взбалмошной дочери это не задержится. Она снова явится

с просьбами о помощи. К тому же продать квартиру, доставшуюся от родителей, в которой выросло несколько поколений, которая должна стать гарантом благополучия любимому внуку, было выше сил Надежды Егоровны.

– Не расстраивай себя, не терзай, – успокаивающе произнёс Стас, – Тебе нельзя волноваться, снова давление подскочит. Я же поклялся, что и после твоей смерти буду помогать этой женщине, насколько в моих силах, – напомнил он, – Что бы у неё ни произошло, на улице жить она не останется, и всегда может прийти сюда, если когда-нибудь захочет, конечно. Но любить её, как мать, я не смогу.

– Да, я понимаю, – снова проговорила бабушка уже не так обречённо, – Давай пить чай, эти оформления так долго длились, что стоит отпраздновать завершение, – успокоенная внуком, она улыбнулась.

Поднимаясь на следующий день после работы в квартиру Веры Степановны, Стас поймал себя на мысли, что дико, непреодолимо хочет увидеть Светлану. Недолго раздумывая, и не пытаясь побороть свои желания, он надавил на звонок в квартиру девушек. Дверь открыла Света. Как же он был рад той ослепительной улыбке, которая озарила её лицо.

– Света, привет, мне срочно нужна твоя помощь! – с ходу импровизирует он, так как заранее не приготовил повода для встречи.

– Привет, Стас. Всё, что в моих силах. Я благодарна тебе за вчерашнюю прогулку под дождём. Мне понравилось! – искренне призналась она.

– Мне тоже. Скажи, ты разбираешься в комнатных цветах?

– Немного, как и любая женщина. У бабушки было много цветов. Я помогала ей ухаживать, с этой стороны разбираюсь, но если тебе нужны названия, то я их не знаю.

– Названия мне как раз не нужны. У тебя есть время?

– Да.

– Ты не могла бы со мной подняться в квартиру и помочь разобраться, какой цветок как поливать, – на лице Стаса отобразилась такая беспомощность, что Света рассмеялась.

– Хорошо, идём, – она захлопнула дверь, – Я здесь живу второй год, но раньше тебя почему-то не видела. Ты недавно переехал? – поинтересовалась она, следуя за парнем на пятый этаж.

– Нет, я здесь не живу. Здесь живёт подруга моей бабушки, она уехала погостить к дочери, а я присматриваю за квартирой, за её котом и за цветами. С котом я ещё справляюсь. Но сегодня нужно полить цветы, она рассказывала, какой и как поливать, но я, если честно, не запомнил, – объяснил Стас.

Они подошли к квартире, он открыл дверь, включил свет, пропустил девушку вперёд, и запер дверь на ключ. Обернулся и вздрогнул.

Светлана стояла, вжавшись в стену, и глазами, распахнутыми в безумной панике, с ужасом смотрела на него. В голове Стаса вспыхнули картины: её уже избитую, заталкивают в какую-то квартиру, её отпускают на миг, чтобы запереть дверь, сейчас он обернётся, подойдёт к ней и снова будет боль, только другого рода.

– Нет! Света! Нет, нет! – у него у самого началась паника.

Она в нём видела того маньяка. Как это исправить, получится ли у него?

Стасу до боли захотелось, чтобы получилось. Он быстро преодолел расстояние до неё, она закричала, закрыла голову руками и присела на корточки. Стас опустился на пол рядом с ней, схватил её ледяные руки, и всеми силами души постарался влить в неё успокоение. Он чувствовал, что паника постепенно отпускает её, она начинает осознавать, где находится, но не собирался останавливаться на достигнутом.

Обнимая за плечи, он перевёл её на диван, усадил так, чтобы видеть глаза и завораживающим голосом стал произносить вслух то, что обычно приказывал мысленно:

– Ты забудешь весь ужас, который произошёл с тобой, никто больше не причинит тебе боль, ты перестанешь бояться и станешь жить нормальной жизнью. Ты красивая, уверенная в себе девушка, ты никому не позволишь себя обидеть.

Стас замолчал, ещё раз мысленно повторяя слова, дающие уверенность и силу. Света смотрела в его глаза, но ничего не видела. Через какое-то время она пришла в себя, тряхнула головой, и, хотя была уверена, что её глаза открыты, ей показалось, что она только что проснулась.

– Стас, а почему ты одет? – удивилась она, обратив внимание на то, что он сидит перед ней в куртке, в шапке, а по лицу его катится пот.

Он снисходительно улыбнулся:

– Я так был заинтересован твоим рассказом, что забыл, – он стянул куртку, вытер шапкой лицо.

– У меня голова, как в тумане, я, наверное, дура, но напомни, о чём я тебе рассказывала.

– Ты рассказывала, как этим летом два подонка изнасиловали тебя, а ещё ты сказала, что хочешь забыть это, – Стас понимал, что рискует, но как иначе проверить результат?

– Да, точно. Я это рассказывала. Стас, я никому об этом не рассказывала, даже не знаю, почему тебе...

– Ты мне доверяешь.

– Доверяю.

Вдруг из её глаз покатались слёзы, он знал, это слёзы облегчения. Прижал её к груди.

– Всё хорошо, теперь всё будет хорошо, – успокаивающе шептал он, – Я уверен, судьба накажет этих тварей. И это последний раз, когда ты плачешь из-за них.

– Я не плакала, – всхлипывая, произнесла Светлана, – Представляешь, я не плакала ни разу с тех пор, как меня выбросили на дороге. Я не помню, как добралась домой, вообще не помню, как провела первые дни, но я точно помню, что не плакала. Мама ничего не заметила, у неё большое хозяйство, младших двое, ей не до меня. А больше мне некому рассказывать, даже если бы они и не пригрозили, чтобы молчала. Я не знаю, зачем это на тебя вывалила, прости.

– Не извиняйся, – он отстранил её и провёл ладонью по щеке, вытирая слёзы.

– А ещё я тебе вымочила весь джемпер, – уже с улыбкой проговорила она.

– Это мелочи, – Стас тоже улыбался и праздновал в душе победу. Никогда, никому он пока не оказывал такую серьёзную помощь. Кроме бабушки, конечно.

– Ой, я же обещала тебе помочь! – спохватилась Света, – Что нужно делать? Где цветы, где вода? – судя по её тону, Стас понял, что она окончательно пришла в себя.

– Цветы здесь везде, вода в ванной, в бутылках, пойдём, покажу.

Пока Света передвигалась по комнатам, поливая цветы, которых было здесь очень много и они стояли везде: на подоконниках, на шкафах, на специальных подставках, Стас выполнял ритуал общения с котом, как и обещал Вере Степановне. Чтобы любимец не одичал, Станиславу надлежало держать Барона на руках, поглаживая и разговаривая с животным. Гладить разжиревшего рыжего монстра он согласился, а вот о чём разговаривать с котом, в отличие от хозяйки, не знал. Поэтому разговаривал с девушкой, следуя за ней из комнаты в комнату по большой двухкомнатной квартире.

– Я смотрю на тебя и удивляюсь: как ты умудряешься так спрятать свои роскошные волосы, – сделал он почти комплимент, имея в виду тугий пучок на затылке, в котором невероятным образом скрылась её медная пышная копна, виденная им однажды.

– Ой, Стас, мне подруги тоже постоянно делают замечание по этому поводу, – смущённо улыбнувшись, заметила она, – Алла говорит, то, что я делаю на голове страшно немодно, а Валя советует волосы не завязывать, но я не могу. Это сила привычки.

– Странная привычка, – заметил он.

– Меня бабушка приучила. Она меня воспитала. Родители много работают, им нами заниматься некогда, поэтому детство я провела с бабушкой. Она воспитывала меня по старинке, как воспитывали её. Объясняла, какой должна быть девушка, скромной и послушной, говорила, что косы – это украшение девушки, и не разрешала мне их обрезать, но в то же время заставляла всегда заплетать, убирать волосы под косынку или под шапочку, чтобы не показываться на люди простоволосой, как она говорила. Я особо не понимала смысла этого слова, но всегда послушно исполняла её просьбы и следовала советам. Мне так её не хватает сейчас, – с тихой грустью произнесла она.

– Сколько тебе было лет, когда её не стало?

– Пятнадцать. Мне кажется, с ней я жила как в сказке. Она ушла, и сказка закончилась, – в словах послышались нотки боли и отчаянья.

– Она всегда с тобой, в твоём сердце, ты же понимаешь, – он смотрел на неё мягким тёплым взглядом.

– Понимаю. А знаешь, эта квартира мне чем-то напоминает бабушкин дом в деревне, – сказала она, восхищённо оглядываясь по сторонам, – У бабушки тоже было много цветов, и не только в доме, но и на улице. Особенно она любила розы. Каких только у неё не было! Я теперь, когда вижу эти цветы, всегда вспоминаю бабушку. Ещё она рукодельница, любила вязать крючком, и у неё тоже везде были разложены похожие ажурные салфетки. А вообще квартира очень уютная, просто веет домашним теплом и хочется здесь задержаться.

– Мы можем здесь задержаться, если хочешь.

– Да нет, что ты, тебе домой, наверное, пора. Цветы я уже все полила. А можно мне тоже котика погладить?

– Конечно, – Стас радостно протянул ей семикилограммового котика, – Только пойдём, сядешь на диван, долго ты его на руках не удержишь.

Света охнула, ощутив тяжесть кота, очень довольного тем, что его ещё кто-то потискает.

Она уселась на диване, кот перевернулся у неё на коленях на спину, подставляя живот. Стас залюбовался открывшейся картиной: красно-коричневые волосы перекликались с ярко-рыжей шерстью кота, Светлана казалась милой и по-детски трогательной.

Света посмотрела на него, стоящего напротив, опершись о стену, со скрещёнными на груди руками и невозмутимо произнесла:

– Ты очень красивый.

Его губы тронула улыбка:

– Обычно подобные комплименты делают девушкам.

– А это не комплимент, это констатация факта, – ничуть не смущаясь, пояснила она, – У тебя совершенная фигура: широкие плечи, узкие бёдра. У тебя правильные черты лица: высокие скулы, чётко очерченные губы, скульптурный нос и выразительные глаза. Даже трудно понять, какого цвета. Сначала я думала, светло-голубые, но теперь вижу, что серые, даже можно сказать, серебряные.

– Ты меня описываешь, как художник.

– А я и есть художник, – простодушно улыбнулась она, – Правда, художник-модельер одежды, и то в будущем, а пока только учусь.

– Понятно, ты меня оценила как манекен для будущих шедевров.

– Угадал, – Светлана засмеялась, – На тебе прекрасно смотрелись бы самые убогие модели.

– Что-то мне не хочется надевать убогие модели, хотя к одежде равнодушен, главное, чтобы тепло и удобно.

Стас уселся рядом с ней на диван, кот незамедлительно этим воспользовался, перебравшись на колени к парню.

– Предатель, – буркнула Света, но дотянулась погладить Барона, – Мне так не хватает общения с животными... У нас дома куча разной живности, а уж котов и кошек не счесть.

– Ты из деревни?

– Да, Калужская область. Родители сейчас занимаются фермерским хозяйством, а раньше работали на местном заводе, пока его не закрыли. Я уже говорила, что росла с бабушкой, она-то мне и привила любовь к рукоделию. У меня всегда получалось сшить что-то интересное, и я подумала, что моя профессия должна быть связана со швейным производством.

– А тебе не говорила бабушка, что сообщать мужчине о том, что считаешь его красивым, даже если это по твоему мнению факт – опасно, – самодовольно заметил Стас.

– Говорила, – неожиданно серьёзно ответила Света, – Она говорила, что я не должна доверять ни одному парню, и лучше вообще от них держаться подальше. Но, несмотря на то, что я старалась придерживаться её советов, это не уберегло меня. Я не встречалась с парнями, я никак не привлекала их, но это, кажется, только провоцирует некоторых. Я и в тот вечер, – Стас прекрасно понял, какой вечер она имеет в виду, – пришла в клуб только за компанию с подругой. Я сидела в сторонке и ждала, когда она натанцует. Он несколько раз приглашал меня, я отказывалась, тогда он сказал, что я пожалею. Подруги я не дождалась, решила сама идти домой, и тут... – она замолчала, проглотив ком в горле, он снова взял её за руку.

– А потом, несмотря на то, что моделируешь одежду, ты решила даже одеваться так, чтобы не привлекать к себе внимания, – выразил он догадку.

– Да! Мне не нужно внимание, мне не нужны отношения, не нужны никакие мужчины, я и сама проживу как-нибудь, без них, – со злостью выпалила она и, вскочив, подбежала к окну и замерла, задумчиво уставившись за стекло.

– Света, – окликнул Стас, подходя к ней, – Ты заметила, я тоже мужчина.

– Ой, – она резко обернулась, едва не столкнувшись с ним, открыто улыбнулась, глядя ему в глаза, – Ты не такой, как все, ты необыкновенный, ты добрый, заботливый, бескорыстный. От тебя веет каким-то душевным покоем. Я доверяю тебе, хотя знаю всего три дня, но я верю тебе, как не верила никому на свете, кроме бабушки, конечно, – бесхитростно заявила она.

Стас прекрасно понимал, почему эта наивная девочка настолько доверяет ему. Совесть подсказывала, что он не должен пользоваться этим по отношению к ней. Если он, как и всегда, не сможет продолжать отношения, это разобьёт ей сердце, и тогда никакой гипноз не поможет. Но две мысли заглушили голос совести. Первая: я попытаюсь продлить отношения настолько, чтобы не причинять ей боль. Вторая – я должен доказать ей, что не стоит бояться того, что происходит между мужчиной и женщиной, и если это не сделаю я, она не позволит это сделать никому. Была ещё и третья мысль, которую он озвучил:

– И всё-таки, Света, я мужчина, а ты очень привлекательная девушка, и я не могу долго сопротивляться безудержному желанию поцеловать тебя, – в его манящих серых глазах она заметила такое недвусмысленное приглашение, что не нашла в себе силы ни оттолкнуть его, ни избежать неизбежного. Она только стояла и широко открытыми глазами наблюдала, как бы со стороны, как он медленно приближается к ней, как его рука касается её щеки, скользит на плечо, другая за талию привлекает ближе. Он тоже не отрывает глаз, медленно наклоняясь к ней, словно давая возможность опомниться и сказать «нет». Но она не шевелится, не в силах отвести глаз от его завораживающего взгляда. Он нежно гладит её по волосам, очень быстро и умело вытаскивая все шпильки и заколки, так что солнечная копна рассыпается по плечам.

– Ты прекрасна, – произносит он сдавленно и хрипло, прежде чем легко касается её приоткрытых от удивления губ.

«Не хочу!» – с ужасом думает она. «Я сделаю так, что захочешь», – молчаливо обещает он. И поцелуй из нежного и трепетного превращается в иступленный, обжигающий и пылкий, сминающий её неопытные и неумелые губы. Он целовал её томительно долго, наслаждаясь вкусом и каждым мигмом близости. И вот его ласки ломают барьеры в её душе, делают слабой и

беспомощной, охваченной пока неясным для неё желанием чего-то большего, неизведанного. С глухим стоном она прильнула к мужской груди, обвила его шею и, как могла, ответила на поцелуй, неосознанно повторяя то, что делал он.

– Милая, – с трудом переводя дыхание, проговорил он, расцепив её руки, переплетая её тонкие пальцы со своими, – Если я сейчас не остановлюсь, я не остановлюсь до утра. Бабуля будет волноваться, ведь я не предупредил её.

Её взгляд, не утративший удивлённого выражения от происходящего, наполнился ещё одним невысказанным вопросом.

– Да, да. Меня тоже воспитывала бабушка. Я живу с ней, и она очень переживает, если я задерживаюсь без предупреждения, – он коснулся губами её лба и позволил себе отпустить её руки, чтобы одеться, – Пойдём?

Она кивнула головой и направилась к двери. Ему не нравилось её ошеломлённое выражение, ему не нравился тот сумбур, который царил в её голове, но она должна сама разобраться в том, что с ней произошло. Достаточно он влиял на её психику.

Возле двери в её квартиру он задержал её.

– Ты ведь не будешь возражать, если мы снова встретимся? – спросил он, заранее зная ответ, в котором она сама не была уверена.

– Наверное, не буду, – с сомнением проговорила она.

– Тогда, до завтра?

– До завтра, – прозвучало более твёрдо.

Стас должен был дать ей время прийти в себя и осмыслить произошедшее. Его поцелуй стал для неё полной неожиданностью, и он очень хотел, чтобы она правильно, без его вмешательства, поняла, почему он так поступил. Хотел, чтобы поверила: она ему действительно нравится. Он не встречал людей с подобным характером и складом ума. Её принципы приводили его в замешательство: всегда говорить правду, выполнять данное обещание. Эти принципы поддерживались неукротимой волей и спокойной внутренней убеждёностью. Она не умеет говорить «нет», если её просят, не умеет лгать. Как могло возникнуть и сохраниться, несмотря на все жизненные трудности, это наивное доверчивое простодушное существо? И, самое главное, как это существо сможет выжить в современном мире?

Размышления перед сном

Стас понял, что у него входит в привычку не проходить мимо двери студенток. Следующим вечером он автоматически нажал на звонок квартиры. Дверь открыла Валентина.

– Станислав! Рада тебя видеть. Какими судьбами? У тебя появились лишние овощи или тебе понравился наш чай? – с задорной улыбкой воскликнула девушка.

Стас не смог не ответить на этот бурный всплеск положительных эмоций, исходивших от жизнерадостного голоса. Губы невольно растянулись в ответ:

– К сожалению, лука у меня на этот раз нет.

– Жаль. Тогда что привело тебя в наше скромное жилище?

– Хотел увидеть Свету.

– А её ещё нет. Она подрабатывает, и обычно в этот день задерживается.

– Тогда передай ей, как только придёт, чтобы поднялась ко мне в квартиру. Я буду её ждать, – попросил Стас.

– Чего? – неподдельно изумилась Валя.

– Думаю, ты и в первый раз расслышала мою просьбу. Но я могу повторить.

– Нет, не надо... Видишь ли, Света такая девушка, ну, немножко необычная, она, наверное, не захочет подниматься к тебе в квартиру, – пояснила Валентина.

– Ты просто передай, хорошо, а она сама решит.

– Я-то передам...

– Вот и прекрасно, – он хотел идти дальше, но тут его окликнул знакомый голос.

– Привет, Стас, – Аллочка поднималась по лестнице.

– Здравствуй, Алла.

– Что-то частенько я тебя стала видеть. Кстати, спасибо за зонтик. Света сказала, что ты помог ей мне его принести.

– Ну да, – разговор продолжать не хотелось, тем более «услышав», что его считают ненормальным, так как он посмел предпочесть Аллочке какую-то «замухрышку». Ты даже не представляешь, насколько ненормальный, мысленно ответил ей Стас.

– Не забудь передать, – напомнил он Валентине и направился наверх, услышав позади себя:

– По-моему, Стас встречается со Светкой, я их видела вместе, – язвительно выдала Алла.

– Не может быть! Наконец-то! – выдохнула Валя восхищённо.

Через полчаса в квартире Веры Степановны раздался звонок. Стас открыл дверь и едва не заскрежетал зубами: Света снова скрутила волосы в такую тугую косу, что, казалось, на голове их вообще нет. Снова на ней какая-то серая бесформенная одежда. Но это исправимо. Гораздо труднее исправить отчаянное и решительное выражение на её лице, и мысли, которые ему очень не нравились.

– Рад тебя видеть. Проходи, – он отступил от двери.

Кот выбежал встречать гостью, Стас ему был очень благодарен, надеясь, что вид забавного животного смягчит её категоричность. Но Света, казалось, не заметила рыжего гиганта, задумчиво прошла мимо. Барон почти не обиделся, лениво побрёл следом.

– Нам нужно поговорить, – заявила она, остановившись посреди гостиной.

– Я так и понял, садись, – он указал на диван.

Она села, мучительно раздумывая, как начать. Ему хотелось ей помочь или хотя бы убрать напряжение. Он подошёл к дивану и присел перед ней на корточки.

– Нет, подожди, – предупредила она его желание взять её за руку, – Когда ты прикасаешься, у меня в животе происходит что-то невообразимое, в голове тоже, такое впечатление,

что плавятся мозги, а ещё дрожат руки и ноги, – бесхитростно описала она симптомы возбуждения, – А мне нужно сосредоточиться на разговоре.

– Хорошо, – согласился Стас, подтянул стул и уселся напротив.

Барон разместился посредине, посматривая то на девушку, то на парня, ещё не решив, кого из молодых людей осчастливить своей благосклонностью.

– Я вчера долго думала перед сном, и поняла: то, что произошло между нами вчера... тогда... вечером... – начала Светлана.

– Поцелуй. Это называется – мы целовались, – помог он ей.

– Я знаю. Я не целовалась... никогда так... да вообще никак. Но я знаю, как это называется, и знаю, что бывает потом. И нам нельзя продолжать дальше, – добавила она быстро и решительно.

– Почему? – удивился Стас.

– Видишь ли, я боюсь, что мне понравится быть с тобой, я привыкну, и не захочу, чтобы ты исчезал из моей жизни.

– И почему, по твоему мнению, я должен исчезнуть?

Стас откинулся на спинку стула. Её суждения его забавляли. Света напряжённо теребила пуговицы на серой кофточке, мысленно подбирая нужные слова. Кот решил, что будет лучше, если она потеряет его, а не какую-то кофточку мышиного цвета, и с грацией, насколько позволял вес, запрыгнул ей на колени. Казалось, Света это не заметила, но руки машинально погрузились в мягкую шерсть, подсознание восприняло сигналы умиротворения, она продолжила, бессознательно немного отпуская напряжение:

– Стас, ты замечательный парень, добрый, отзывчивый, к тому же очень красивый...

– Это преступление? – пошутил он, любясь хрупкой девушкой с огромным котом, который не помещался у неё на коленях. Свешивалась то голова, то лапы, она неосознанно пыталась его удержать, не забывая поглаживать.

– Не перебивай, – одёрнула она Стаса, – Я хотела сказать, что такой парень, как ты, достоин другой девушки, которая соответствовала бы ему. Я не соответствую. Я некрасива, и не спорь, в зеркало я смотрелась, но не это главное. С лица воду не пить, как говорила бабушка. Я... как это сказать... нечистая, испорченная. Ты сам знаешь. Я недостойна тебя, да и никого другого. После того, что со мной произошло, я поняла, что буду всегда одна, то есть без парня. Я не хочу никого обесчестить своим присутствием. Я знала, что если со мной кто-то захочет встречаться, я должна обязательно ему сначала всё рассказать. Какая будет реакция, нетрудно догадаться. Поэтому я не собиралась ни с кем встречаться. И тут появляешься ты, я тебе всё рассказываю, а ты меня целуешь. Это неправильно.

– Света, когда вчера я услышал от тебя слово «простоволосая», я был удивлён. Но после сегодняшних «испорченная» и «обесчестить», я просто уверен, что ты либо свалилась с другой планеты, либо пришла из прошлого. Света, оглянись вокруг, ты забыла, в каком мире мы живём?

– Мы не должны оправдывать свои поступки временем, в котором живём, – твёрдо возразила она, – Времена разные, но люди-то одинаковые, мы не превращаемся в животных, душа, сердце и совесть у нас остаются.

– Ты самая чистая и порядочная девушка, какую я знаю. А знаю я немало, поверь. И ты не виновата в том, что с тобой произошло, – попытался убедить её он.

– Кто знает? Может, я должна была поступить по-другому. Может, я должна была поговорить с тем парнем, а не демонстративно от него отворачиваться. Я задела его гордость на глазах друзей, и он наказал меня, жестоко. Но, наверное, ему так надо было, чтобы не потерять авторитет.

– Авторитет твари. Света, ты всегда оправдываешь людей, что бы они ни сделали?

– Я всегда стараюсь понять, почему они это сделали. Найти и объяснить причину поступков. А если этот поступок касается меня, то прежде чем осуждать других, разобраться в себе. Вот и с тобой. Я всю ночь думала, почему ты так поступаешь, и поняла. Ты испытываешь ко мне жалость. Я вызвала её своим рассказом. Но я не хочу, чтобы меня жалели. Ты в том числе. Поэтому, давай останемся просто друзьями, или расстанемся. То, что ты вчера делал со мной, можно делать только с тем, кого любишь, а не жалеешь.

Она замолчала. Слова высказаны, напряжение отпустило, и она теперь просто сидит и смотрит на него своими удивительными глазами цвета гречишного мёда. Он сталкивался со многими людьми, мог заглянуть в тайные глубины людских душ. Но никого, даже отдалённо похожего на это существо, не встречал. Может быть, бабушка, своей жертвенностью и обострённым чувством вины перед дочерью чем-то напоминала ему эту девушку. Восхитительную, неповторимую, с внешностью и душой ангела. С несовременными принципами и суждениями, с неожиданной житейской мудростью. Он рассматривал её как нечто чудесное, что только могло произойти с ним в жизни. Видимо Бог, одаряя или наказывая его необычными способностями, решил показать, что среди испорченных, самовлюблённых и эгоистичных душ, которые в основном встречались на его пути, есть и такие: наивные и светлые. Теперь выбор Станислава. Как же распорядиться этим неожиданным открытием серо-золотого цвета? Одно знал точно: он очень пожалеет, если посмеет обидеть её или потерять.

Коту очень не понравилось, что девушка гладит его молча. Видимо, ему действительно нужно общение. Презрительно задрав хвост, он скользнул с колен Светланы, посидел в задумчивости посредине, и забрался к Стасу, словно передавал эстафету разговора. Света тоже ждала, когда он хоть что-то скажет. Смотрела в его глаза, обжигающие расплавленным серебром, смотрела с тоской и затаённой надеждой, и ждала, давая ему время подобрать слова. А он давно знал, что скажет, и сейчас просто любовался её мятежным выражением.

– Света, я не люблю много говорить и не умею объяснять так доходчиво, как ты. Но, надеюсь, поймёшь. Мне всё равно, что было с тобой раньше, я испытываю к тебе всё, что угодно, только не жалость. Боюсь, если назову это любовью, ты не согласишься. Я и сам не берусь судить. Но я знаю совершенно определённо: ты необыкновенная девушка, ты мне очень нравишься, и я хочу, чтобы ты была со мной, – объяснил он терпеливо и непререкаемо, – А если говорить о жалости, то это чувство впору испытывать ко мне. Если бы ты знала, как я мучаюсь от желания расплести наконец-то твою чёртову косу, зарыться в твои волосы руками и поцеловать тебя. Иди ко мне, – он сбросил с колен кота и протянул руку, давая ей возможность принять приглашение или уйти от него.

Света почувствовала, как по спине пробежали мурашки тревожного возбуждения, а лицо и шею залила краска от недвусмысленного приглашения. Она вдруг отчётливо поняла: то, как она поступит сейчас, изменит всю её жизнь. В хорошую сторону или в плохую – не знала, но смутно ощущала, что хочет изменений. Уже было больно, уже было плохо, может, на этот раз судьба смилостивится над ней?

Она робко протянула руку, заметив искорки одобрения в непроницаемых серых глазах.

Рука скользнула в широкую мужскую ладонь, он притянул её и усадил к себе на колено. Нежно коснулся костяшками пальцев щеки, провёл ладонью по шее.

– Ты прекрасна, и я буду это повторять, пока не согласишься, – тихим изменившимся голосом произнёс он и коснулся губами уголка её губ.

Вдруг в их эротический мирок, наполненный предчувствием, вторглось возмущённое «Мя-а-а!». Барон, стоя на задних лапах, передними опершись о свободное колено Стаса, вопросительно смотрел на совсем потерявших стыд молодых людей. «А как же я! А про меня совсем забыли! Это я там должен сидеть, а не она!» – говорил негодующий взгляд котика.

Видя умильную усатую мордашку, Света прыснула, Стас тоже не смог удержаться, и вот они уже весело, до слёз, хохочут. Благословенный кот! Как благодарен ему Стас за такую замечательную разрядку, которая сняла напряжение между ними.

Нахохотавшись, он подхватил Барона и вышел с ним на кухню.

– Что ты сделал с котом? – спросила Света, когда Стас вернулся.

– В угол поставил! Шучу. Насыпал корма и закрыл дверь, чтобы не мешал, – ответил он, приближаясь к ней. В серых глазах нежность и обещание, на губах лёгкая похотливая ухмылка.

– И что ты теперь собираешься делать, – пытаюсь заглушить нарастающий страх, слегка срывающимся голосом произносит она.

– Я собираюсь любить тебя. Но прежде я хочу освободить твои волосы.

Он усаживает её на стул, становится сзади и расплетает косу, запускает руки в волосы, поглаживает затылок, шею. Она чувствует удивительное спокойствие, растекающееся по телу. Он заставляет её подняться на ноги, поворачивает к себе лицом.

– Света, в том, что происходит между нами, нет ничего аморального, постыдного или отвратительного, – мягко пояснил он.

Она судорожно сглотнула и только кивнула головой.

Стас понимал, что перед ним совершенно неопытная девушка, а тот опыт, что есть, очень и очень отрицательный. Он решил проговаривать вслух всё, что собирается делать, чтобы дать возможность подготовиться, и не испугать её:

– Я сниму с тебя одежду.

Он ловко стянул мышиную кофту и приступил к пуговицам фланелевого халата. Её руки безвольно висели вдоль тела, а глаза не отрывались от его гипнотических глаз, черпая в них силу. Она полностью обнажена, но, кажется, не замечает это. А он затаил дыхание, поражённый неожиданной красотой юного существа. Беспорочная одежда скрывала совершенное тело: полная грудь, тонкая талия, широкие бедра, кожа молочной белизны везде: видимо, этим летом ей не довелось позагорать.

Он поморщился от боли, вспомнив о надругательстве над этим прекрасным телом. Его поцелуи полны нежности и огромного желания стереть весь негатив. Она пытается ему отвечать. Он укладывает её на диван, ложится рядом, тесно прижавшись. Как только его налитая желанием плоть касается её бедра, она мгновенно цепенеет. Растерянная и испуганная, словно только что поняла, что с ней происходит, лихорадочно вглядывается в лицо Стаса, как спасение, ловит глазами его успокаивающий взгляд.

– Всё хорошо, тебе не будет больно. Не бойся.

Вкрадчивые слова вместе с прикосновениями и глубоким бархатным тембром голоса будят неведомые струны, от которых всё внутри скручивается в тугий узел.

– Я не боюсь. Мне кажется, тебе неудобно, – запинаясь, бормочет она.

– Мне было бы гораздо удобнее, если бы ты помогла мне освободиться от одежды, – он ободряюще улыбается, когда она касается пуговиц на его рубашке.

Медленно расстёгивая рубашку, так как руки совсем не слушаются, она мучилась от противоречивых желаний: хотелось закрыть глаза от стыда и смущения, и в то же время рассмотреть красивое мужское тело.

– Ты можешь прикасаться ко мне, – решил он её проблему, – касаться с закрытыми глазами неудобно.

Она провела ладонями по гладкой упругой груди, руки скользнули вниз, к густой поросли, уходящей за пояс джинсов. Он с шумом выдохнул. Её сердце радостно забило: она тоже имеет над ним власть.

Ведомая неким инстинктом и наслаждением, бурлившем в крови, Света приникла к нему. Сильные руки обвили вокруг, стальная плоть дерзко вдавилась в живот, его губы нашли её грудь. Двойственное чувство желания и страха пронзило её. Она сжалась от прикосновения,

попыталась отстраниться, но он успокаивающе погладил её по спине. Неохотно отодвинулся, поднял голову, бережно коснулся ладонью щеки.

– Не бойся того, что я делаю. Расслабься.

– Не могу, – выдохнула она.

– Я не сделаю ничего плохого.

– Я верю... Я постараюсь.

Она поколебалась, пристально вглядываясь ему в глаза, обхватила его голову руками и сама потянулась к губам. Он с тихим стоном слился с ней в нежном поцелуе. На этот раз она не оттолкнула его и не осталась безучастной. Она судорожно прижала его к себе, и он, не отрывая губ, провёл ладонью по её плечам, по руке, затем вверх, сжимая груди, обводя соски кончиками пальцев, чувствуя, как они твердеют. Он стал осыпать поцелуями её виски, глаза, шею. Быстро скользнув по щеке, принялся целовать грудь, вбирая закаменевшие соски в рот, дразня языком. Её пальцы запутались в волосах Стаса, прижимая голову. Она охнула и стала бессознательно извиваться. Он припал губами к плоскому животу, спустился ниже, лаская бёдра и то, что между ними. Когда поднял голову, опьянённая происходящим, она ошеломлённо смотрела в его чарующие глаза. Страх и скованность покинули, она осознавала, что умирает от желания. Вот только желания чего, не понимала. Она чувствовала, как он терпелив с ней, и испытывала граничащую с благоговением признательность. Но не подозревала, сколько приобретённого годами опыта, и помощь каких неведомых сил потребовалась Стасу, чтобы заставить её тело вспыхнуть от его ласк. Она вдруг поняла, что хочет подарить ему такое же восхитительное наслаждение, какое он дарит ей. Поэтому когда он тихим незнакомым голосом произнёс: «Я хочу тебя», она, не сомневаясь, прошептала: «Да».

Он осторожно вошёл в неё. Ей хотелось от страха закрыть глаза, но от его требовательного «Смотри на меня» глаза распахнулись, встретились с сияющим серебром. «Я люблю тебя!» – взорвалось в её голове. Ей показалось, что он прочёл её мысли, потому что тихо произнёс: «Я тоже!» и начал движение. Он то глубоко входил в неё, то отстранялся, не отводя глаз от прелестного раскрасневшегося лица, пока она интуитивно нашла нужный ритм и стала отвечать ему. Не осознавая, что оставляет на его спине кровавые полосы, она сливалась с ним в древнем чувственном танце, подчиняясь ему, отдавая себя, пока где-то внизу живота не стало нарастать безумное возбуждение. Она затрепетала, дыша часто и прерывисто, голова заметалась из стороны в сторону.

– Не сопротивляйся, пусть это произойдёт, – проник в её сознание пленяющий голос.

Её организм будто ждал разрешения. Невероятное немислимое блаженство жидким пламенем, медленно разрастаясь, взорвалось в теле, захлестнуло голову. Она содрогнулась, пронзительно вскрикнула. Он глухо застонал, позволив и себе получить давно сдерживаемое сладостное освобождение.

Не размыкая объятий, он лёг на бок. Светлана с трудом выплывала из чувственного тумана. До этой минуты она и представить не могла, что способна испытать подобное. Даже сейчас, лёжа в кольце его рук, она ещё чувствовала жгучие ласки и безумие поцелуев. По телу струилась восхитительная усталость, а в душе ощущался покой и умиротворение.

И Станиславу очень нравилось это её состояние тела, но особенно состояние души. Он боялся, что придётся бороться с её страхами, стыдом и угрызениями совести. Но она отдала ему себя без оглядки, без условий, и без сожаления. И сейчас оба понимали: произошло что-то естественное и чудесное.

Первая заговорила Светлана:

– Думаю, пришло время освободить кота, – она приподнялась на локте и откинула влажную прядь со лба Стаса.

– Я хочу, чтобы ты теперь словами дала согласие быть моей девушкой, – он знал, что девятнадцатилетние дамы после всего обычно хотят признаний и предложений. Чего ждёт сей-

час это необычное создание, он ещё не разобрался, поэтому её реакция на его слова удивила. Она засмеялась:

– Стас, тебе никто не говорил, что ты очень странный? – сквозь смех проговорила она и удобнее улеглась на его груди.

– Говорили, конечно, – ответил он, а мысленно добавил: мы вообще друг друга стоим.

– Ты так странно сказал: «дала согласие словами». А можно как-то по-другому?

– По-другому ты уже согласилась, теперь скажи то, что говорило твоё тело.

– Я согласна. Ты же это и так понял.

– Понял. Слова нужны для тебя, чтобы не отвертелась потом. А теперь, когда с формальностями покончено, идём освобождать кота.

Провожая девушку недалёкое расстояние до её квартиры, Стас сказал:

– Я завтра приду сюда после пяти. Буду ждать в квартире. Ты когда освобождаешься?

– Так же, как и сегодня, часов в шесть. Я немного подрабатываю. Одна из моих преподавательниц занимается частным пошивом одежды. Я ей помогаю. Это небольшие деньги, но мне хватает. Зато свободный график, и не нужно пропускать занятия, – объяснила она.

– Тогда я жду тебя после шести в квартире. До завтра?

– До завтра.

Назавтра, ровно в шесть, она стояла на пороге квартиры Веры Степановны. Стас открыл дверь и восхищённо вдохнул: перед ним была совсем другая Светлана, не такая, как вчера. Он увидел улыбающуюся красавицу, уверенную в себе. На лице немного косметики, волосы сзади легко перехвачены лентой, на ней джинсы и сине-голубая свободная туника. Он первый раз видел её в столь яркой одежде.

Мысленно поблагодарил Валентину, которая помогала подруге собираться на первое в её жизни свидание, а также отметил результат своих трудов: она безмятежна и счастлива. Он как Пигмалион, любовался своей Галатеей. За руку втащил в прихожую и, не давая сказать ни слова, смял в объятьях. А сказать она явно что-то хотела. Увернувшись от его губ, она, уже задыхаясь, быстро произнесла:

– Стас, я хотела сказать...

– Потом, – хрипло прошептал он, закрывая её рот поцелуем.

Руки скользнули в волосы, срывая ленту, она смирилась с неизбежным и, тихо охнув, обвила его шею и ответила на поцелуй.

Она не поняла, как оказалась на диване, не помнила, когда он избавил её от одежды. Оглушённая жадным натиском, она ловила ртом воздух, извивалась под его ласками, не понимая, как ему удаётся разгадать давно дремавшие точки, прикасаясь к которым он заставляет её тело погружаться в пучину наслаждения. Взрываться, гаснуть и снова взрываться от умелых прикосновений.

Когда был утолён первый голод обладания, он выпустил её из объятий. Вскочил с дивана, чмокнув её носик, натянул джинсы и вышел из комнаты. Глядя на него, она восхищалась грациозностью движений и неутомимостью. Ей казалось, что она не может и пошевелиться от усталости. Конечно, у него же опыт, решила она, не испытывая пока ни капли ревности.

Он вернулся со стаканом воды. Следом шествовал обиженный кот, которому снова пришлось сидеть на кухне. Стас протянул воду Светлане. Удивлённая, откуда он знает, что ей до смерти хочется пить, она взяла стакан. Опыт, снова объяснила себе она.

– Помнится, ты хотела поговорить, – сказал он, усаживаясь рядом, и взял в руку прядь её волос.

Так как волосы – это единственное, что её сейчас прикрывало, она почувствовала смущение. На нём, по крайней мере, джинсы. А тут ещё кот, со своим обвинительным взглядом

снизу вверх и свысока одновременно. Она натянула трусики, длинную тунику, а джинсы он у неё отобрал.

– Думаю, ты достаточно одета для разговора.

Она махнула рукой и задумалась. Он терпеливо ждал, предвкушая новые открытия.

– Я вчера долго думала перед сном... – она запнулась, не зная как продолжить трудную для неё тему.

– Ты всегда думаешь перед сном? – спросил Стас, вспомнив, что и вчера она начала именно с таких слов.

– Да, всегда, – бодро ответила Света, радостная, что может немного оттянуть пикантный разговор, – Меня научила бабушка. Перед сном я обязательно должна вспомнить прошедший день, подумать, кого я обидела, мысленно попросить прощения, припомнить, что хорошего со мной произошло, что плохого. Если я ошиблась, решить, как исправить. Ну и попросить у Бога помощи на следующий день... Только попробуй засмеяться! – воскликнула Светлана, заметив, как предательски кривятся его губы.

– И не думал! – Стас едва сдерживался, – Многие молятся перед сном и анализируют прошедший день. Может, не с такой критичностью. И что же ты вчера выяснила? Кого обидела и как будешь исправляться?

Она закатила глаза, потом совсем закрыла, потом бросила быстрый взгляд на него, придвинулась и нервно схватила его за руку – ей нужно немного уверенности. Опустила глаза и наконец-то произнесла.

– Я подумала, что вчера, когда мы были вместе... и потом сегодня... когда...

– Когда занимались сексом, – помог он ей.

– Да... В общем, ты такой заботливый, предусмотрительный, ты заставил меня испытать такое...

– Наслаждение, – снова помог он.

– Да... Я подумала, что ты не должен из-за меня страдать...

– С чего ты взяла, что я страдаю?

– Ну как же, я ничего не делала, только получала... получала...

– Наслаждение.

– Да... Я не потому ничего не делала, что не хотела, я просто не умею. Я не знаю, как доставить наслаждение тебе. Но это неправильно. Ты тоже должен испытывать... наслаждение. Я хочу, чтобы ты рассказал, что я должна делать, чтобы и ты получил такое же удовольствие, как и я. Вот.

Она выдохнула. Трудная тема высказана. Стас давно ничему не удивлялся, но Светлана постоянно заставляла его испытывать это забытое чувство. «О, сколько же открытий чудных...» преподнесёт этот наивный ребёнок. Ни одна из девушек, с которыми он был, не задумалась о том, как доставить ему наслаждение. А эта чуть ли не курсы по обучению готова пройти.

– Стас? – окликнула она, обеспокоенная его долгим молчанием, – Ты что, это тоже не знаешь?

Нет, больше выдержать он не смог. Расхохотавшись, он схватил её в охапку и закружил по комнате. Кот, живя с бабулей и не привыкший к столь бурным проявлениям эмоций, в ужасе взвился на спинку дивана. Когда Стас остановился, она упёрлась руками в его грудь и попыталась оттолкнуть.

– Ты надо мной смеёшься? – с обидой в голосе проговорила она, – Ты тоже считаешь меня ненормальной?

– Я считаю, что ты самая удивительная девушка, которую я когда-либо встречал. И я не смеюсь над тобой. Я восхищаюсь. Ты неопытная и смелая, ты наивная и мудрая. Как в тебе всё это совмещается, не пойму. В каком оазисе тебя воспитали?

– Стас, по-моему, ты уходишь от ответа. Ты не представляешь, как трудно мне было задать этот вопрос.

– Представляю. Хорошо, я не буду уходить от ответа.

Он уселся на диван, посадил Светлану на колени. Кот по спинке перебрался поближе, прислушался.

– Мне, как, впрочем, и любому мужчине, доставляет удовольствие обладать тобой. Целовать тебя, быть в тебе, видеть, как ты кончаешь от моих ласк.

Она недоверчиво взглянула в глаза, покраснела, но всё же задала вопрос:

– То есть, даже если я ничего не буду делать, ты сможешь, как ты сказал...

– Кончить. Да. Но мне будет намного приятнее, если ты будешь кое-что делать.

– Вот! Именно об этом я и спрашиваю! – она, поёрзав, уселась удобнее, – Рассказывай, – тоном ученицы в школе произнесла она и приготовилась слушать лекцию.

Ох, сколько сил понадобилось Стасу, чтобы удержаться от улыбки и от желания взять её прямо сейчас. Немного отдышавшись, он сказал:

– Ты можешь делать примерно то же самое, что делаю я с тобой. Естественно, учитывая разницу в строении наших тел.

– И всё? – разочарованная короткой лекцией, выдала Светлана.

– Всё. Остальное познаётся на практике. Света, неужели ты не консультировалась с подругами?

– С подругами? Как я могу обсуждать тебя с подругами? – искренне удивилась она, – Это же касается только нас двоих.

– Но твои подруги обсуждают своих парней.

– Да, но я никогда не одобряла это, и не собираюсь делать то, что мне противоречит, только потому, что все так делают. Но ты не думай, я не совсем невежда. Я ведь смотрю телевизор, читаю книги. Мне просто хотелось узнать, что лично тебе будет приятно.

– На данный момент мне будет приятно, если ты прекратишь ёрзать или сядешь немного по-другому, пока не нанесла мне травму.

– Ох! – она быстро и неаккуратно вскочила, Стас поморщился, – Прости! – Она уселась рядом, обхватила его лицо ладонями, – Если я сделаю что-то, что тебе не понравится, ты же мне скажешь?

– Непременно, – пробормотал он, стягивая с неё тунику.

Выпутавшись из одежды, она тоже потянулась к застёжке на его джинсах, стащила их, пытливо и уже без смущения изучая мужское тело, касаясь и лаская так, как недавно делал он, учитывая мужскую физиологию. Испытывая восторг и получая невообразимое удовольствие, когда слышала его шумное дыхание и невольные стоны. Она чувствовала, как он приподнимает бёдра ей навстречу, как делала она. Как судорожно стискивает её волосы, не отпуская голову до тех пор, пока *эта* часть его тела не насытится её поцелуями.

– Всё, хватит, – хрипло и неестественно прорычал он и уложил на спину.

– Стас! Кот! – воскликнула Света, когда её глаза натолкнулись на жёлтый внимательный взгляд сверху со спинки дивана.

– Ты его стесняешься?

– Да.

– Закрой глаза, – она послушно закрыла, а когда открыла, кота на спинке уже не было.

Но даже если бы и был, она не замечала ничего. Казалось, вся она состоит только из ощущений, которые дарят его волшебные руки, его волнующие губы, его плоть, дарующая божественное ощущение полноты. Она чувствовала, как кружится голова, беспомощно извивалась под ним, выгибала спину, закричала, когда острая разрядка судорожной волной пробежала по телу.

– Я всё правильно делала? – через какое-то время спросила она, когда разгорячённые и уставшие, обнявшись, лежали на узком диване.

– Ты великолепная ученица, – произнёс он, заправляя ей за ухо прядь волос.

– Кстати, я ещё хотела тебе сказать... – начала Света, запустив руку в его волосы, неосознанно повторяя его движение.

– Об этом ты тоже думала вчера вечером? – шутливо переспросил он.

– Нет, об этом я думаю, когда смотрю на тебя.

– О чём же?

– Ты всё время мне делаешь замечание по поводу моих волос.

– У тебя великолепные волосы, мне не нравится, что ты их прячешь.

– А у тебя непозволительно длинные волосы, – сказала она, отмечая его светло-русые прямые волосы, которые сзади доходили до плеч.

– Эй, осторожней! Последний, кто сделал замечание по поводу моей шевелюры, помнится, получил по носу.

– Да? И давно это было?

– По-моему, в седьмом классе. Витька Локтев сказал, что у меня девчоночья причёска.

– И ты ему врезал?

– Да. Потом, кстати, и он мне. Если бы вовремя не вмешался учитель, мне досталось бы по полной. Витька в другой весовой категории.

– Стас, я совсем не представляю тебя дерущимся.

– Знаешь, это последний раз, когда я пытался разрешить спор кулаками.

– Как же ты разрешал споры потом?

– Я стараюсь в них не вступать. Ну, или обхожусь словами.

– Ты молодец! Терпеть не могла драчливых! И всё-таки, почему у тебя такие длинные волосы?

– А чтобы ты спросила, моя Красная Шапочка! – пошутил он, – Мне так удобно.

Не признаваться же ей, что ещё в детстве он понял, что волосы служат то ли защитным экраном, то ли барьером, он не знал точно. Знал только, что чем они длиннее, тем он лучше себя чувствует, защищённый, что ли, от непрошенных вторжений.

– А я знаю, почему у тебя такая причёска, – вдруг выдала Света, – Чтобы привлекать девушек. Ты не такой, как все, и это притягивает.

– Тебя тоже именно это притянуло? – с улыбкой спросил он.

– Меня?... Не знаю, – растерянно проговорила она, так как понимала, что на волосы она смотрела в последнюю очередь.

– Хватит валяться, пойдём ужинать, – Стас поднялся с дивана и протягивал ей руку.

– Ужинать? А что, здесь можно? – удивилась она.

– А почему бы и нет? Не одному же коту здесь питаться.

– Где он, кстати?

– Наверное, забился куда-то. Думаю, он на меня обижается, – пояснил Стас.

– За что?

– Я очень бесцеремонно его прогнал!

– Как ты мог! Он же здесь хозяин!

– Вообще-то эта квартира для меня тоже как родная.

– Да?!

– Да. Я провёл в ней своё раннее детство. Бабушка работала, в садик меня нельзя было отдавать, я очень часто болел, так она меня приводила к своей подруге, и я иногда до вечера сидел с бабой Верой. Так было, пока я не пошёл в первый класс. Но и потом частенько сюда наведывался.

– Так тебя воспитывали сразу две бабушки! А родители где?

– Отца нет, и никогда не было. А у матери своя жизнь. Ей всегда было не до меня...

– Ты не должен обижаться на мать, – Света уловила резкий негативный тон, в котором прозвучала информация о матери, – Какой бы она ни была, она твоя мать. Вот мои родители тоже, очень загружены работой. Когда я лет в пять однажды пошла переночевать к бабушке, да так там и осталась, они, по-моему, даже не заметили. А может, им так удобнее, у меня младшая сестра и брат – погодки. Общий язык с матерью я так и не нашла, но я сама виновата, я почти не общалась с ней, мне достаточно было бабушки, а домой приходила, только чтобы выполнить работу: хозяйство покормить, обед приготовить, на огород, да мало ли... Я делала то, что нужно, и сразу убегала обратно. Но всё равно я маму очень люблю. Другой у меня не будет. И у тебя не будет. Стас, ты меня слышишь? – переспросила она, заметив его отстранённый взгляд.

– Да, да. Я не обижаюсь на мать, – успокоил он её, понимая, что другого ответа эта правильная всё равно не поймёт. А про себя добавил: у меня просто её нет.

– Света, как я уже сказал, мы сегодня здесь ужинаем, я принёс продукты, иду накрывать на стол.

– Стас, я немного протру пыль в комнатах и проверю цветы. А то хозяйка приедет, а здесь такое творится!

– Да ничего здесь не творится, – Стас огляделся: пыль не видна, – К тому же Вера Степановна только через неделю вернётся. Перед приездом и наведём порядок.

– Перед приездом мы тоже наведём порядок. Тряпки в ванной?

– Не знаю.

– Тоже мне, родная квартира! Ладно, сама найду.

Через некоторое время, когда Стас накрыл стол, а в квартире стало относительно чисто, Света вошла на кухню с Бароном на руках.

– Стас, с котом что-то случилось. Я его еле вытащила из-под шкафа. Он фырчит, огрызается и не идёт на ручки.

– Но ты же его держишь.

– Ты не представляешь, какими усилиями. Он норовит опять под шкаф забиться. Что с ним?

– Не знаю. Стресс, наверное. Давай его сюда.

– Да от чего стресс? – удивилась Светлана, протягивая Стасу упирающегося всеми когтями котика.

– А ты как думаешь? Он никогда в жизни не видал, как люди занимаются любовью, впрочем, как коты тоже, – Стас взял Барона. Тот, как только попал в мужские руки, сразу присмирел и повис, словно тряпка.

– Ну, ты что, Барон, успокойся, – проговорил Стас, погладил его и, отстранив от себя в вытянутых руках, взглянул в жёлтые глаза.

Кот моментально встрепенулся, Стас опустил его на пол, и кот принялся, как ни в чём не бывало, мурлыкать и тереться о ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.